
Ни одной нет книги у меня дома:

Ни монографии, ни брошюры, ни тома,

Потому что я начал довольно рано

Всё читать с экрана.

Так что, если хочешь меня увидеть,

Точно так же, как я, у экрана сидя,

Не проси привезти "что-нибудь из Гоголя",

Напиши: "Тоскую немного я".

Но признаться самой себе трудно в этом,

А выписывать голосом пируэты,

Говоря, что с экрана - совсем не то,

И встречи откладывать на потом -

Это делать мы можем практически вечно,

Понимая, что оба боимся встречи.

Да и не нужна нам она, конечно.

Грешным.

НИКА

Остаться в общежитии

Огромном и пустом

Учёным раздражительным

Израненным котом

В той комнате незапертой
На пятом этаже,
Разыгрывая замертво
Сражённого уже.

И в сумеречных шорохах,
Что нагоняют жуть,
Зеленоглазым сполохом
По зеркалу сверкнуть

Той, что сюда в подпитии
Спустя десятки лет
Зайдёт, куда пожить её
Направил студсовет.

Она заглянет, вспомню я:
- Предательница! Ты...
"Мееесть, смееерть, и преисподняяя!" -
Так, кажется, коты

Орут, когда бросаются
Царапать и кусать...
- Чёрт... Я так рад! Красавица,
А где твоя коса?

Нет ни косы, ни ленточки.

Очки и седина.

И ляжет на коленочки

Уже ко мне она.

Мне подошла бы роль ветра в её волосах,

Или ручья, еле слышного в роще за домом.

Быть отстранённо-желанным и просто писать

Тексты о чём-то достаточно близко знакомом:

О полимерах, и подлой гибридной войне,

О колыбельных, что пел я когда-то часами,

Не отражаясь, как в том упоительном сне,

В солнцезащитных очках за её волосами.

БАБОЧКА

Сердца - они как гроздья винограда.

А истина - как бабочка в вине.

Барахтается, выползет - и рада,

Что крылышки невинны на спине.

Но интеллектуальной нашей боли

Вино любви и истина к лицу.

Не выливай! Дай вместе с алкоголем
Мне выпить с этих крылышек пыльцу.

МОЛЧАЛИН

Неистойвой музыкой бал-маскарад
Уносит былые печали,
Но звуков бравурных тускнеет игра.
Проносится шёпот: "Молчалин!"

"Молчалин!" - девицы потупили взор,
Светясь целомудрием нравов.
"Молчалин!" - стихает мужчин разговор.
Простите, коль были неправы.

"Молчалин!" - кивает седой дирижёр,
Скрипач тербит пиццикато.
Молчалин идёт от кареты во двор,
И далее хочет в палаты,

Но чувствует, как затихает оркестр
Гремевший до этого рьяно.

- Ну, право, уж стоит ли, - сдержанный жест,
- Как можно'с,.. без Хачатуряна?..

- Ну, что ж, коли должен почтить вас офлайн

Хоть мне и, поверьте'с, неловко...

Соратники... Нет у меня от вас тайн.

Я ваш... Ваш прицел на винтовке.

Служить буду вам я, пока не сменён.

Шаги в тишине коридора,

А следом, как будто бы, море знамён

Победы, предсказанной скоро.

А сколько печальных времён утекло,

- Уж им не вернуться обратно'с.

Заходит. Улыбка. Учтивый поклон...

Умеренность! И аккуратность!

ХОККЕЙНОЕ

Болельщик Авангарда с болельщицей Ак Барса

Сидят себе в обнимочку десятый овертайм.

Они теперь - наследники другого государства,

По праву обладающего тайнами из тайн.

Им в этом хронотопике теперь не просто скучно,

У них в небесном кодексе за это есть статья.

И волевым решением с печатью сургучной

Буллиты - отменяются.

Расходимся.

Ничья.

Из Уфы

Мой поезд уходит туда, где сегодня дожди.

Там клёны с дубами в Аллее поэтов напьются.

Щемящее чувство прощания, не уходи.

Побудь дирижёром в оркестре моих революций,

Которые не покидали все годы меня,

Светясь бутафорским огнём в каждой плазменной речи...

В Миассе встречала солдата с цветами родня.

Стоянка - всего две минуты, как жизнь, быстротечна.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Я попал по руке молотком

Было больно, и я не смолчал.

Но старик (я едва с ним знаком)

Мне сказал, головой покачав:

“И кого ты тут отmaterил?”

Ты, что, разве не знал, ё-моё,
Если гвоздь забиваешь, смотри
Не на шляпку, а на остриё!”

Так и замер я возле избы
Всё сложилось в дурном котелке.
Стоит только о цели забыть -
Как дурак, бьёшь себе по руке.

СОСЕДИ

Сосед - физиолог реликтов-рептилий
Жена его - биопетролог.
Их домик снесли, и их к нам заселили
В наш пригород - бывший посёлок.

В каком-то онлайнном ВУЗе доценты,
Любимцы дворовых детишек.
С едва различимым красивым акцентом
Читают им сказки из книжек.

И я - как они - только школьный учитель.
Иду, они машут с балкона.
Она - философского камня хранитель
И он - повелитель драконов.

ПОДДАВКИ

(биполярное)

Вторая половина меня

Играет в поддавки,

Чтоб у неё смогла отнять,

Сослав на Соловки,

Идеологию и власть

(В чём я непобедим)

Моя другая половина

Под номером один.

Спасибо всем моим врагам!..

(А есть ли те враги?..)

За то, что видят берега,

Отдельные мозги.

И что любая из частей,

Свою играя роль,

Гордится тем, что только тень

Чего-то номер ноль.

Не три кита, а этакий треножник -
Вот то, на чём и держится наш мир,
Поскольку до сих пор ещё не может
Подняться в аристотелев эфир
Над этим неустойчивым штативом.
Но, а пока парение - лишь сны,
Три ножки: власть, корысть и справедливость -
Должны быть одинаковой длины.

Поосыпались надежды
Поистёрлися мечты.
А, в застиранной одежде,
Век то - девятнадцатый.

Шпарит немец по-французски,
На конюшне - батога,
Восьмипалый крестик русский,
Над озимыми снега.

Умиляются берёзам:
Барин, поп и купчик-лис...
Здравствуй, внешняя угроза!
Как тебя мы заждались!

Никогда я не был на Босфоре.

А еще я не был на Байкале.

Не скажу, что из лабораторий

Никогда меня не отпускали.

Просто я, как все мы, люди будней,

Падки на такой самообман

До того, как не разбудит бубен

И не позовет Хамар-Дабан.

Древние и мстительные боги

Ветром сдуют будничные туманы

Чтобы я обрёл себя в итоге

На дороге на Хамар-Дабан.

Неслышно сжимаются в тайных затворах пружины,

В спираль завивая упругий резиновый жгут

И в поршнях с гигантским давлением древние джины

Как будто чего-то давно предрешённого ждут.

Задержка дыхания жаждущей выхода мощи

Тревожит, как будто безветрие перед грозой.

Как недальновидно и глупо любить то, что проще,

И думать, что всё обойдётся локальной бузой.

А джинам не спится, им нужен приказ господина.

Их бесят лукавые мантры, что всё хорошо.

И им - духам края, а не "золотой середины"

Знать мало того, что "воссоздан". Им нужно - "отмщён".

ВИЙ и ЧАЙ

Вий открывает глаза.

Нечисть отослана к чёрту.

Веки... он может и сам

Без бесовского эскорта.

Он - не урод Джабба Хатт.

Он элегантен, как шпага,

В великосветских стихах

Иницируя магов,

Сеет, и веет, и вьёт

Веером, запахом-духом

Свой вековечный полёт

От обоняния к слуху.

И расступается мрак,

И принимаем как дар мы
Медитативный экстракт
Сорванных век Бодхидхармы.

САБИНЕ

А Мифы - не "мифы".
И надписи, и артефакты,
Сарматы и скифы...
Они - как ружьё в первом акте.

Мешал же тот самонадеянный Иерихон?..
И я ли стал прятаться за ироничным стихом?

Я не попрекаю.
Нам тоже придумать придется,
Как "Авель и Каин" -
Легенду для места под солнцем.

Так вот, для того, чтобы предназначенье своё
Исполнило в пьесе истории это ружьё,

Пишу не о том ли я,
Что нет желанней награды
Руин Капитолия
С надписью "Месть за Элладу".

Размышления жителя Омска о граде Петра на берегу реки Невы

Зайдя на этот бережок,
Когда под утро всё в тумане,
Я понимаю, что чужой,
Но этот факт меня не ранит.

Кому-то должно быть чужим.
Бывает, что чужое станет
Тем, что дарует право жить,
Как скальпель в гангренозной ткани.

Чужим был, видимо, и он.
Стремясь соседу сделать больно,
Он здесь построил город-клон
Оригинального Стокгольма.

Так и теперь: слегка Нью Йорк,
Немного Лувр, отчасти Лондон -
Такой двусмысленный раёк
Колониального бомонда.

Поддельный град - муляж витрин.
С лицензией на бунт и казни
И революций, целых три,
Дисконтный импортный франчайзинг.

И в этот час, когда Дракон
Хвостом сбивает звёзды с неба,
Провинциальный город-клон
Наполнен зрелищами с хлебом,

Не отличая на мосту
На разводном, у края бездны
От вычурности красоту
И от величия помпезность.

Такой вот горький каламбур,
Что чувствовать себя как дома
В заложниках чужих культур -
Есть вид Стокгольмского синдрома.

Но я чужой и где снега
В степи весной водою станут
И где уносит их река
К совсем иному океану.

Одно мне счастье - каждый год
Как с театральной ложи VIPов
Смотреть с моста, как ледоход
Ломает лёд стереотипов.

И, знаете, когда меня
Вернут из печи горсткой пепла,
Познавший химию огня,
Прошу не следовать им слепо.

Я завещаю перестать
Досужим поддаваться страхам
И с Ленинградского моста
Разбить о льдину колбу с прахом.

С пожеланиями вдохновения,
Как и те, уходящие в тень, и я
Растворюсь в одиночестве лет.
Но серебряными эскадрильями
С распостёртыми строчками-крыльями
Улетает потомкам привет.

Я в долгу перед волею случая,
Что увидели вместо наскучивших
Кинематографических чудес
Удивлённые праздные зрители,
Как взлетают мои истребители
Патрулировать своды небес.

Магия ветра стирает за нами следы

Словно храня первозданность Эдемского сада.

Мальчик, бегущий вприпрыжку по кромке воды,

Девушка, та, что прошла в пелене снегопада

Женщина в лёгкой накидке под летним дождём,

Смуглый кочевник, идущий по склону бархана...

Листья осенние встреч, по которым пройдем,

Вечнозелёными иглами памяти станут.